

1979г.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Безруков М. К.
и Лев Толстой

Русская литература

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛ

1979 · № 1

ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК

«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ХРОНИКА

КОНФЕРЕНЦИЯ ПУШКИНСКОГО ДОМА, ПОСВЯЩЕННАЯ 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛЬВА ТОЛСТОГО

25—26 сентября 1978 года в Большом конференц-зале Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР проходила научная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения Л. Н. Толстого. В ее работе принимало участие более 200 человек, в том числе научные сотрудники Пушкинского дома, преподаватели, аспиранты и студенты ленинградских вузов — Университета им. А. А. Жданова, Педагогического института им. А. И. Герцена, Высшей партийной школы при обкоме КПСС, Института культуры им. Н. К. Крупской, Института театра, музыки и кинематографии, Финансово-экономического института им. Н. А. Вознесенского, петрозаводских университета и педагогического института, Свердловского университета, Иркутского педагогического института, а также работники ленинградских музеев, библиотек, культурно-просветительных учреждений, Всесоюзного музея «Ясная Поляна» и др. На конференции присутствовали и зарубежные гости: профессора Лейпцигского университета (ГДР) В. Дювель, Хексельшнейдер, Хербст, профессор Сараевского университета (Югославия) М. Мулич, преподаватели и аспиранты Будапештского и Хельсинкского университетов, студенты и стажеры из Венгрии, Вьетнама, США, Финляндии, Франции и др. стран.

Вечернее заседание 25 сентября открылось вступительным словом директора института члена-корр. АН СССР А. С. Бушмина. 1978 год, сказал А. С. Бушмин, знаменателен в истории мировой культуры великой датой — 150-летием гения русской и мировой литературы, творца бессмертных произведений, составивших крупный вклад России в художественное развитие человечества, Льва Николаевича Толстого. В течение своей 60-летней литературной деятельности Толстой создал произведения, которыми всегда будет гордиться наша родина и которые по праву относятся к высшим достижениям не только русской, но и всей мировой литературы. В грандиозной эпопее Толстого «Война и мир», в его романах «Анна Каренина», «Воскресение», в повестях, рассказах и пьесах с исключительной правдивостью и художествен-

ным совершенством отображена жизнь русского общества в ее историческом движении на протяжении всего XIX века, начиная с войны 1812 года и первой русской революции. Идеи содержания творчества Толстого о зило высший общественный инстинкт своего времени: борьбу за освобождение человеческого труда. Социальные вопросы и неотложные запросы века, такие страдания и заветные чаяния угнетенных народных масс отзывались в том сердце художника-гуманиста, отлитых в монументальные формы великих произведениях, исполненных любви и гнева, общественной скорбью, мятежных исканий. Основное, господствующее впечатление, производимое книгами Толстого, — это впечатление борьбы, призыва к действию. И Толстой как личность живет в сознании миллионов читателей не в образе реального правоучителя, а в образе вечного правдоискателя-гуманиста, главного обличителя эксплуататорского строя. Народ и Правда были высшей и почти тождественными понятиями Толстого-художника. Он по праву звал себя «адвокатом 100-миллионного земледельческого народа». Верность самооценки писателя утвердил сам авторитетом В. И. Ленин, сказав о нем: «Великое народное море, взволнованное до самых глубин, со всеми своими слабостями и всеми силами своими сторонами отразилось в учении Толстого»; его устами говорила «миллионная масса русского народа». Характеризуя место и значение Толстого в истории русской литературы, Горький писал: «Пушкин и он — нет ничего личностнее и дороже нам... Дни русской литературы от Пушкина к Толстому — это целый век великих достижений русского реализма, углубивших и обогащавших русскую литературу, умножавших славу русского рода. Творчество Толстого явилось в немаловажным итогом стремительного развития русского классического реализма Толстой, по меткому определению Л. Толстого, «рассказал нам о русской жи-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. т. 20, с. 74, 70.

«И почти столько же, как вся остальная литература», «дал итог пережитого за целый век и дал его с изумительной правдивостью, силой и красотой». Богатейшее литературное наследие Льва Толстого, сказал в конце своего выступления А. С. Бушмин, было и остается одним из факторов нашей современной духовной жизни, могучим источником знания мира и воспитания человека. Это в этой неуывающей познавательной и воспитательной роли великих художественных творений Толстого и заключается их бессмертие, их общечеловеческое значение для нашего и будущих поколений. А. С. Бушмин объявил дифференцию открытой и от имени дикидки Пушкинского дома пожелал ее участникам успешной работы.

Заведующий фонограммархивом ст. уч. сотр. В. В. Коргузалов сообщил хранящейся с 1958 года в Пушкинском доме уникальной коллекции, состоящей из трех валиков с записями словес Льва Толстого, его жены Софьи Андреевны и внучки Тани. Это первая звуковая запись голоса русского писателя в России. произведенная 14 февраля 1895 года Ю. И. Блоком в Москве отреставрированная недавно музыкальной студией «Мелодия» по инициативе Л. А. Шилова. В зале звучит голос смертного творца «Войны и мира», читающего рассказ «Какуюсь грешник» и сказку о волке. Затем собравшиеся предлагают прослушать отреставрированную инженерами А. В. Осиповым и Г. М. Матвеевым пластинку речью Толстого о человеке и его вере.

Доктор филол. наук Н. И. Пруцков в своем докладе «Некоторые теоретические аспекты ленинских статей Л. Н. Толстом» сказал, что современная наука о литературе слабо разбирается философско-эстетическое содержание гениальных работ В. И. Ленина великом русском писателе. Докладчик сделал обзор некоторых теоретических социологических проблем, на которые следовало бы обратить внимание. Среди них — ленинская трактовка социологии его наследия Л. Н. Толстого. В этой связи возникает вопрос о том, что дала (в положительном и отрицательном смысле) писателю-мыслителю его патриархально-демократическая, антибуржуазная позиция в критике существующего и в прогнозировании будущего.

И. Пруцков обратил внимание на то, что крестьянско-демократическая социология Льва Толстого, столь блестяще, проникновенно охарактеризованная В. И. Лениным, имеет аналогию, действительные связи (но не тождества!) теми некоторыми идеологическими концепциями, которые складываются в современных развивающихся странах Азии и Африки. Так возникает в современных условиях некий типологический ряд идеологических систем, начало которого положено Львом Толстым. Современный так называемый Восток похоронил некоторые компоненты учения Толстого. Но тот же Восток воскресил (конечно, не буквально!) иные стороны наследия Толстого, как и отдельные элементы народничества. Здесь особенно «пришлись ко двору» антибуржуазная, антиимпериалистическая направленность толстовско-народнических воззрений.

Н. И. Пруцков остановился и на вопросе о том, в каком смысле В. И. Ленин употребляет понятие «реакционный» в отношении учения Толстого, его программы жизнестроительства. В. И. Ленин говорит о реакционности писателя в историко-философском смысле, как о теоретической ошибке, заблуждении писателя, который, не принимая буржуазный прогресс и отступая от принципа историзма в мышлении, пытается построить программу новой жизни, заимствуя образцы для своих идеальных построений в прошлом, в дуборужуазном мире. Такой род реакционности, вызванный теоретическими ошибками и отражающий заблуждения масс на их пути к революции, мог содержать (и содержал) в себе критические элементы, мог доставлять материал для передовых борющихся классов, мог в определенных границах питать реализм, его оппозиционный пафос. Но вместе с тем нельзя и преувеличивать положительное значение критических элементов в реакционно-утопической концепции Толстого, ибо значение подобных элементов, как указывают К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, стоит в обратном отношении к историческому развитию. Заключительную часть своего доклада Н. И. Пруцков посвятил эстетической проблематике статей В. И. Ленина о Толстом — специфике толстовского реализма.

С докладом на тему «Мировое значение Льва Толстого» выступил доктор филол. наук Ф. Я. Прийма. Процесс активного освоения зарубежной литературой и общественной мыслью наследия Толстого, сказал докладчик, начинается (если иметь в виду Европу) в конце 70-х—начале 80-х годов прошлого столетия, другими словами, — длится уже целый век. Как это ни парадоксально, классики русского реалистического романа получают мировое признание в период нарастания в западно-европейском искусстве идеалистической реакции. Вследствие этого Э. М. де Вольтэ и следовавшие за ним зарубежные критики пытались использовать русских классиков в целях утверждения символизма, спиритуализма и других враждебных реализму тенденций. Тем не менее уже к концу прошлого века русская литература на Западе перестает быть явлением «экзотическим» и, освобождаясь от услуг тенденциозных интерпретаторов, начинает воздействовать на зарубежную духовную культуру наиболее существенными своими особенностями.

Опираясь на конкретные явления мирового литературного движения и многочисленные высказывания и признания зарубежных авторов (Э. Золя, Г. де Мопассан, Р. Роллан, Э. Верхарн, Р. Мартен дю Гар, М. Дрюон, Т. Фонтане, Т. Манн, Б. Шоу, Д. Голсуорси, Г. Сенкевич, А. Стриндберг, У. Д. Хоуэлл, Т. Драйзер, Р. Тагор и мн. др.), докладчик предпринял попытку определить главные «векторы» воздействия Толстого на мировую художественную культуру: создание циклического романа, отражающего эпохальные страсти в жизни целого народа; открытие новых способов изображения «диалектики души»; уравнивание в правах внутренней жизни простого человека с духовной деятельностью представителей «образованного слоя»; предпочтительное внимание автора к персонажам, обладающим чувством повышенной ответственности за свои поступки; достоверное воссоздание социальной сущности героя и слитности его с национальной почвой; человечность и «всемирная отзывчивость» писателя.

Огромная сила воздействия Толстого на духовную культуру Запада и Востока, по мнению докладчика, подтверждается никогда не утихавшей там борьбой, нередко приобретавшей ожесточенные формы, вокруг каждого художественного сочинения и публицистической статьи великого русского художника-правдоискателя. Враги Толстого утверждали, что его небывалая популярность за рубежом объясняется не художественными достоинствами его творчества, а любопытством толпы к личности графа, который ходит за крестьянским плугом. Впрочем нередко они признавали неповторимость Толстого-художника, решительно отвергая при этом Толстого-проповедника. Как правило, реакционная буржуазная критика нападала, однако, не на слабые, а на сильные стороны проповеди Толстого, выражая опасение, что она пробуждает бунтарские инстинкты труженика и приближает народы к «ужасам революции».

Как прежде, так и в настоящее время, сказал докладчик, и зарубежные, и отечественные исследователи, касаясь вопроса о воздействии русской литературы на мировую, не без оснований имена Толстого и Достоевского ставят рядом. Однако два гиганта русской классической литературы обладали особенностями не только сближающими, но и разделяющими их. Не однородным было и оказываемое ими влияние. И если, скажем, Р. Роллан, оставаясь почти равнодушным к Достоевскому, находился под сильнейшим воздействием Толстого, то для других иностранных писателей на первом месте всегда был Достоевский. И если о Толстом многие зарубежные авторы справедливо заявляют: «Он приблизил к нам Россию»,

«сделал ощутимым национальный характер русского человека», то о Достоевском это можно сказать лишь с существенными оговорками, хотя у автора «Братьев Карамазовых» есть в этом отношении и свои преимущества перед автором «Войны и мира». Указывая на необходимость перехода к более глубокому изучению мирового воздействия русской литературы, докладчик остановился в заключение на важности установления демаркационной линии между двумя сферами — влиянием Толстого и влиянием Достоевского.

Утреннее заседание 26 сентября открылось докладом доктора филол. наук Г. М. Фридлендера («Пушкин и Лев Толстой»). Как ни велик художественный гений Пушкина и Толстого, заявил докладчик, как ни громадно для русской и мировой литературы значение оставленного ими литературного наследия, важность для нас обоих великих русских писателей не исчерпывается значением, которое имеет для нас их литературно-художественное творчество, не покрывается им. В Пушкине и Толстом нас прежде всего покоряет величие личности каждого из них. «Самая его жизнь совершенно русская», — прекрасно сказал о Пушкине Гоголь, первый понявший, что «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа». Но то же самое можно с полным правом сказать о Толстом. Жизнь и личность двух этих titans нов русской культуры воплощает для нас не только ее прошлое, но и ее настоящее и будущее. В каждом из них говоря словами Гоголя, «русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой чистоте, в такой очищенной красоте в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла». Автохарактеристику Пушкина — «поэтичность» — можно полностью отнести к Толстому. Как для Пушкина красота для него была прежде всего земной красотой, а поэзия — поэзией земной жизни. Это отнюдь не означает, что и для Пушкина, и для Толстого в окружающей их жизни все было одинаково прекрасно. Оба они были сильными и страстными людьми, способными различать здоровое и больное, прекрасное и безобразное, умевшими и любить и ненавидеть. Толстой и Пушкин были созерцательными натурами, легкими и безболезненно ограничивавшими себя равнодушно принимавшими зло и добрые готовности и в личной, и общественной жизни довольствоваться малым. Идеалом их была жизнь необкраденная и неслезная, здоровая и полная сил, жизни не укладывающаяся в готовые, стандартные формы, но льющаяся через край, разрушающая сегодня и завтра — на более высокой ступени личного и общественного бытия — то, что было хорошо или, по крайней мере, казалос-

ответворительным вчера — на более высокой и низкой ступени.

Основное внимание докладчика было редоточено на творчестве Толстого — начала 60-х годов. Проанализирован рассказ «Метель», повести «Два гудачера», «Альберт» и «Казак», Г. М. Фридрих раскрыл сложную историческую информацию, художественное и идейное переосмысление в каждом из этих произведений Толстого характерных пушкинских тем и мотивов. При этом, стремясь показать докладчик, на каждом этапе развития Толстого, художника и мыслителя, его понимание творчества Пушкина постоянно углублялось. В поэте Толстому открывались все новые стороны. Это относится как к периоду создания «Войны и мира» и «Анны Карениной», так и к последнему этапу развития Толстого-художника в XX веке. В условиях, когда в Западной Европе складывался в конце XIX — начале XX столетия модернизм постарался воплотить изображение противопоставленной природы, утонченной и сознательно возвышенной над народными массами сверху вниз живописи и живописание ее «подробно и чувственно» в перл создания, стилистический лаконизм, «нагота» пушкинской прозы, ее общедоступность, реализм, предельная простота и безыскусственность, обращенность к народу, сочувствие с высочайшей гуманностью, философской насыщенностью мысли и открытостью «вечным вопросам» человеческого бытия, оказались близки Толстому. В народных рассказах, в «Смерти апа Ильича», «Крейцеровой сонате», тце Сергии», «Хаджи Мурате» Толстой возвращается на склоне лет к пушкинскому лаконизму, концентрируя повествование вокруг одного или нескольких эпизодических, кризисных событий жизни героев. В противовес «самоуверенной декадентской чепухе» Толстой обменно настойчиво превозносит теперь пушкинскую «меру», его «скромное достоинство» и «перлы ума». Так, признаем неувядающей силы, красоты и красоты вечно прекрасного искусства Пушкина, новым страстным преклонением перед ним заканчивается круг величественных и противоречивых художественно-эстетических исканий Льва Толстого. И не случайно величайший, наиболее равный Толстому по гениальности его современников Достоевский признал Толстого достойным продолжателем дела общего их учителя — Пушкина.

Канд. филол. наук Л. И. Емельянов в своем докладе «Герои Л. Н. Толстого в историко-литературной концепции Аполлона Григорьева» проанализировал его статьи Григорьева о Толстом, опубликованные в 1862 году в журнале «Время» под общим названием «Явления временной литературы, пропущенные нашей критикой». Внутренние свойства таланта писателя («необыкновенно оригинальный смелостью психологического

приема») представили интерес не сами по себе (как бы глубоко и разнообразно их ни определить) и даже не в сопоставлении с особенностями других писателей, а как своего рода показатели определенных процессов и превращений, совершающихся в литературе и характеризующих так или иначе общее направление ее развития. Именно этот смысл, по мнению докладчика, и вкладывает Аполлон Григорьев в свой упрек современной критике, которая, восторженно приветствуя каждое новое произведение Толстого и неизменно связывая с именем молодого писателя исключительные литературные надежды, тем не менее даже и не пыталась представить его творчество в сколько-нибудь конкретной и широкой системе историко-литературных взаимосвязей. Первым, кто предпринял такую попытку, был критик Аполлон Григорьев. Докладчик всесторонне рассматривает замысел статей Григорьева, который формулируется им так: «поставить творчество Льва Толстого в связь с пушкинской традицией в развитии русской художественной прозы, особенно с «Повестями Белкина». Устанавливая преемственную связь между героями военных рассказов и «белкинским типом», Григорьев имеет в виду не столько ее героическую, сколько типологическую сторону. Докладчик выявляет философско-художественные основы некоторых толстовских характеров (капитана Хлопова, например) в целях иллюстрации мысли Григорьева о «смирном типе», явившемся всего лишь «критическим контрастом» типа «хищного». Соответственным образом истолковывается Григорьевым и та «линия судьбы» в творчестве Толстого, по которой великий критик судит не только о литературном прошлом и настоящем писателя, но и пытается предсказать его будущее: преодоление пристрастия к «смирному типу» и обращение к типу «действительно страстному». В это грядущее «возрождение» Толстого, заключает Л. И. Емельянов, Григорьев верит всей душой, в чем многие критики, начиная с Н. Страхова, видят несомненное доказательство того, что Григорьев будто бы «предсказал» «Войну и мир».

В докладе «Тема Петра I в творчестве Л. Н. Толстого» доктор филол. наук А. М. Панченко рассказал о своих изысканиях в связи с неосуществленным замыслом романа Толстого «Сто лет».

Канд. филол. наук Г. Я. Галаган в своем докладе «Путь Л. Н. Толстого к „Исповеди“» остановилась на малоизученных вопросах связи художественного наследия Толстого с его философскими трактатами 80-х годов. В частности, специальное внимание докладчика привлекли следующие мотивы метафорической символики — «прорастание семян» и «открытие дверей жизни», разработанные

ные в религиозно-философском сочинении Толстого «Соединение и перевод четырех Евангелий». В докладе анализируется также и метафорический мотив «двоения», подробно раскрываемый писателем в трактате «О жизни», своеобразном комментарии к «Исповеди». Все три мотива осмысляются Толстым как метафорические символы «пробуждения сознания», «рождения разума» в обоснование его сложной концепции движения от ложнохристианского понимания жизни, или «подобия жизни» «образованной толпы», к жизнепониманию «неизвращенно христианскому», связанному, по мнению Толстого, с истинами народной веры. Такой подход к раскрытию смысла некоторых художественных приемов великого писателя позволяет глубже проникнуть в его «художественную лабораторию» и показать внутренние законы построения сюжета и характеров романа «Анна Каренина».

Доклад канд. филол. наук В. Е. Ветловской «Проблемы поэтики „Анны Карениной“» касался одного аспекта художественной структуры текста — неоднозначных мотивов. По мнению докладчика, эти мотивы представляют собой символично-метафорическую систему, элементы которой, будучи внутренне организованными, передают смысл изображенных в романе явлений в наиболее ясном виде. Две сцены — посещение художника Михайлова Голенищевым, Анной и Вронским, их разговор о картине на тему «увещания Пилагом» (в пятой части романа «Анна Каренина») и сцена скачек (вторая часть романа) — служат символическим центром романа, с которым все остальные мотивы той же неоднозначной природы соотносятся по принципу иерархического соподчинения и детализации. Речь идет о бездуховности современной Толстому жизни «высшего света», трактованной как торжество косности и новейшего «язычества». Лаконичное требование римской толпы «Хлеба и зрелищ» использовано Толстым в каждом своем элементе: мотив «хлеба», как и мотив «зрелищ», подспудно соединяет многие ситуации романа. Первый связан с деятельностью людей и с их побуждениями, которыми они руководятся в жизни; второй («зрелища») имеет в виду осмысление людьми своих и чужих поступков, их взгляд на жизнь вообще. Ложные побуждения вызывают ложное же понимание жизни, поскольку в основе того и другого лежит одно и то же — себялюбивое, эгоистичное желание.

Первым на вечернем заседании 26 сентября выступил доктор филол. наук А. Н. Иезуитов. В его докладе «„Зеркало русской революции“ (В. И. Ленин о Л. Н. Толстом)» был прослежен историко-методологический путь, которым В. И. Ленин пришел к выводу о том, что Толстой является «зеркалом

русской революции», выразителем взглядов и настроений многомиллионного патриархального крестьянства. Глубокое знание этих взглядов и настроений В. И. Ленин черпал и из своих непосредственных жизненных наблюдений, из встреч и бесед с самими крестьянами и из русской реалистической литературы, которая правдиво отражала настоящую жизнь во всей ее сложности и творечивости. Ленинское истолкование творчества Толстого характеризует великое знание реальной жизни и определяющего критерия при оценке литературных явлений и признание особой революционизирующей роли именно реалистического искусства. Составив статьи В. И. Ленина о Толстом со статьями В. Г. Короленко о том писателе, докладчик показал, что в ленинских работах непосредственность в приятии искусства, тонкая художественная наблюдательность и эстетическая зоркость органически сочетаются с целостностью и глубиной истолкования и анализа творчества Льва Толстого. В основе этого методологического единства одновременно многогранности оценок характеристик лежит гениальное ленинское определение: Лев Толстой — «зеркало русской революции».

В докладе канд. филол. наук А. А. Горелова «Лев Толстой и народное слово» биографические контакты писателя с миром народной речи были рассмотрены как формы вхождения в стихию народной жизни, быта, эстетики, как формы познания народных социально-психологических типов.

В докладе «Художественное наследие Л. Н. Толстого в сценических интерпретациях советской эпохи» доктор искусствоведения Ю. К. Герасимов (Институт театра, музыки и кинематографии) отметил важность изучения такой общей и своеобразной сферы бытования художественных произведений Толстого, которой является сцена. В театральных интерпретациях сказывается характер творческого интереса к автору, отношение к его творчеству в целом. Драматические произведения обретают полноту существования и раскрытия именно в сценических воплощениях. Огромное воздействие всего творчества великого писателя, его художественных открытий на русский и советский театр позволяют говорить о существовании «театра Толстого». В освоении его художественного наследия советским театром можно наружить несколько стадий. В первые послереволюционные годы, скажем Ю. К. Герасимов, наблюдалось восприятие на образцовых сценах прежних прочтений текста произведений Л. Толстого, автора бытовых психологических драм. Предпринимались также эстетические попытки придать некоторым пьесам великого писателя современный смысл («Петр Хлебник» и др.). В 1930-е годы на сцене возобладала не-

нная социологизация пьес Толстого, проводившаяся неоправданным вторжением в авторский текст. Среди спектаклей 1950—1970-х годов заметно выделяется успешно осваивавшая мир идей образов Толстого постановка Малого театра «Власть тьмы». Вот уже 23 года она не сходит со сцены! Ее высокие достоинства, признанные зрителем и критикой, обусловлены принципиально новой позицией постановщика Б. Равенских исполнителей: «доверием» к Толстому, являвшая определенную зависимость сценических интерпретаций произведений Толстого от постоянно развивающейся, дущей мысли советских литературоведов, докладчик обратил внимание присутствующих и на издержки режиссерского «самовыражения», сопровождаемого тогда искажением авторского замысла. Инсценирование прозы Толстого, полагает докладчик, — особая и сложная проблема. Опыт, накопленный сценой этой области, свидетельствует о том, что толстовская проза даже при самом энергичном и талантливым преобразении в сценическое действие несет огромные потери. Однако инсценирование Толстого — это не только внутритеатральная задача, это и культурная потребность нашего общества, на которую театру еще предстоит отвечать.

В докладе мл. науч. сотр. П. В. Бекедина «Лев Толстой и развитие жанра эпопеи в советской литературе» отмечалось, что Толстой не только обогатил все жанрово-прозаические формы, существенно расширив их границы и возможности, но и сумел создать новые жанры, что под силу лишь подлинно мировым алантам. Бессспорен приоритет Толстого в открытии современной эпопеи. Уже первые шаги молодой советской литературы, подчеркнул докладчик, были связаны с поиском эпических решений. В то время как многие критики брали под сомнение жизнеспособность художественного наследия Льва Толстого (особенно «сердцевали пролеткультовцы и сорудники журнала «На литературном посту»), талантливые прозаики находили в нем то, что помогало им изображать новую эпоху, человека новой формации. Знаменательно, что три советских эпопеи — «Тихий Дон», «Жизнь Клима Самгина» и «Хождение по мукам» — создавались почти одновременно. И Шолохов, и Горький, и Алексей Толстой при написании своих вершинных произведений чувствовали на себе «взгляд» бессмертного творца «Войны и мира». Однако вопрос о преемственности, подчеркнул П. В. Бекедин, нельзя подменять вопросом о типологии эпопейного жанра. Толстовская традиция, которая легко пролевеливается во многих произведениях Горького, почти совсем отсутствует в «Жизни Клима Самгина». Опыт толстовской эпопеи был наиболее органично воспринят Шолоховым и Алексеем Толстым.

Канд. филол. наук В. В. Базанов в своем докладе «Творчество Л. Н. Толстого в литературных спорах 1920—1930-х годов» показал, что путь Толстого к читателю послереволюционной России оказался крайне сложным. На протяжении 20-х годов великий писатель и его творчество постоянно находились в эпицентре литературных дискуссий, вызывая самые разноречивые суждения; некоторые из них были весьма далеки от ленинского понимания творчества Толстого. Юбилей 1928 года, пожалуй, наиболее ярко обнажил позиции сторон, что, безусловно, способствовало выработке верного подхода к оценке жизни и творчества величайшего русского писателя. В последующие годы разногласия мнений о нем заметно сокращаются.

Выступавшая в прениях преподаватель кафедры философии Ленинградского финансово-экономического института С. В. Симонова отметила, что в многогранном учении Толстого некоторые утопические идеи в условиях развитого социализма приобретают социально-практический смысл. Так, в частности, она обратила внимание на актуальность учения Толстого о нравственном самоусовершенствовании. Выделив в качестве узловых проблемы человеческой свободы, развития воли и совести, С. В. Симонова показала значимость раскрытых Толстым условий формирования внутренней потребности в нравственной жизни каждой личности.

Действительный член Всесоюзного географического общества А. И. Дьяконов поделился своими впечатлениями об успешных научных итогах конференции и поблагодарил ее организаторов.

Закрывая конференцию, А. С. Бушмин подвел итоги работы и внес некоторые поправки к докладу В. В. Базанова: он напомнил, что первый русский писатель, сочинения которого начали выходить в советское время по предложению В. И. Ленина, — это Лев Толстой, первый том собрания его сочинений вышел в 1928 году.

В Большом конференц-зале института была открыта выставка советских и зарубежных изданий о Толстом, подготовленная старшим библиотекарем И. Г. Щелинской. В Малом конференц-зале была развернута юбилейная выставка уникальных документов и фотоматериалов о Льве Толстом, хранящихся в толстовском фонде Литературного музея Пушкинского дома. Много своего труда вложили научные сотрудники музея Е. А. Ковалевская, Р. Г. Куриленко, А. П. Холина и, особенно, О. И. Рудаева. Среди экспонируемых материалов свыше 90 уникальных фотографий, изображающих Льва Толстого в разные годы его жизни, некоторые из них с дарственными надписями великого писателя. Особое место занимают несколько фотографий, выполненных

В. Г. Чертковым. Здесь же и графические портреты и рисунки (яснопольные пейзажи) работы Н. Л. Аронсона, Л. О. Пастернака, Г. Б. Смирнова, В. А. Успенского, А. В. Шмидта. Замечательно и собрание скульптурных портретов великого мыслителя, в том числе творения Н. Л. Аронсона, Р. Р. Баха, Н. Н. Ге, И. Л. Гинзбурга, М. Л. Диллона, Г. Мюллера и М. Харламова, а также бюст Льва Толстого работы сына писателя Льва Львовича (1911). В витринах всеобщее внимание привлекают шаржи и карикатуры, поясняющие ход острой борьбы вокруг имени и наследия великого писателя, начавшейся

еще при его жизни. Любопытно и художественно исполненное в 1928 году художником А. Трухановым «Родословие Льва Толстого». Специальный стенд занят прижизненными изданиями сочинений Толстого с его автографами. На отдельной витрине экспонируются автографы писем к Л. Н. Толстому 1890—1891 годов от П. А. Буланже, Н. С. Лескова, А. Орлова, Н. Н. Страхова, Т. Л. Толстой, В. Г. Черткова, поступившие в архивохранилище Пушкинского дома недавно от инженера И. А. Березина. Выставка пользовалась успехом: ее посетили многие ленинградцы и гости города.

Ю. К. БЕГУНОВ

